

ЛОРА ЛЕФФЛЕР

СКАЖИ
ИМ, ЧТО
СОЛГАЛА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л53

Laura Leffler

TELL THEM YOU LIED

Copyright © 2025 by Laura Leffler.

All rights reserved. This edition published by arrangement
with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Ирины Голыбиной*

Редактор *Юлия Весельчакова*

Леффлер, Лора.

Л53 Скажи им, что солгала / Лора Леффлер ; [перевод с английского И. Голыбиной]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Ток. Дом лжи. Расследование семейных тайн).

ISBN 978-5-04-225273-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Анна и Уиллоу, студентки факультета искусств, живут в атмосфере богемных нью-йоркских вечеринок и галерей, где все говорит о статусе и успехе. Они молоды, перспективны, и им можно все. Неуверенная, но амбициозная Анна сильно отличается от яркой и непредсказуемой Уиллоу, чей талант блестит как бриллиант, хоть и блеск этот холодный...

Анна искренне восхищается подругой, но постепенно этот союз становится для нее ловушкой: Уиллоу любит играть в игры, заставляя окружающих плясать под свою дудку. Юношеские шалости переходят все мыслимые границы, и Анна начинает понимать, что подруга разрушает не только себя, но и ее.

Утром 11 сентября 2001 года, когда Нью-Йорк сотрясает трагедия, Уиллоу не вернулась домой. Но катастрофа и исчезновение никак не связаны друг с другом, и все говорит об убийстве. Неужели кто-то воспользовался шумихой, чтобы скрыть следы преступления? Уиллоу успела насолить многим, и теперь под подозрением все, даже ее лучшая подруга Анна...

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44**

© Голыбина И., перевод на русский язык,
2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-225273-0

Посвящается Джордану

Искусство — это то,
что может сойти вам с рук.

Энди Уорхол

Повсюду царил твой вечный беспорядок. Рассыпанные кофейные зерна столпились на кухонной столешнице, словно полчища муравьев; в открытом пакете кисло молоко. Крошки от тостов, пустые пакетики сахарозаменителя, две грязные кружки возле раковины... Я взяла одну из них — подарок на выпускной от младшего брата — и повертела в руках. *Лучшая в мире сестра*. Помню, переезжая в Нью-Йорк три месяца назад, я так бережно ее упаковывала — в пупырчатую пленку и толстое одеяло. Теперь ободок был щербатый, а ручка вообще откололась. В том-то и проблема, правда же, Уиллоу? Тебе кажется, что все вокруг твое и ни о чем не стоит заботиться.

Я сжала кружку до того крепко, что она едва не треснула прямо в руке. Потом отпустила. Бросила в мусорное ведро вместе с молоком и прочим твоим хламом. Начисто протерла столешницу. Я больше не позволю тебе управлять мной, тем более в день, когда между нами все должно измениться.

В тысячный раз я представила: ты переходишь Десятую авеню по пути в галерею, солнечные зайчики

скачут по платине волос, полоска живота проглядывает между юбкой и топом. Мы давно привыкли к тому, что на нас пялятся, к выкрикам вслед, потным лицам, языкам, скользящим между раздвинутыми пальцами, хохоту из проезжающих машин. Это уже не имело для нас большого значения, и потому я знала: ты не почувствуешь опасности во взгляде очередного мужчины. В очередной паре похотливых глаз.

Но именно в них таится опасность, Уиллоу, потому что этот парень не просто смотрит, он ждет. И у него нож. Я это знаю, потому что заплатила ему.

Раздался звонок. Я замерла с губкой в руке, потом шагнула к домофону.

— Кто там?

— Я.

Майло. Я представила его на крыльце: мятая футболка свисает с костлявых сутулых плеч, на ногах — забрызганные краской рабочие ботинки, в которых он всегда ходит. В отличие от тебя, я никогда не считала Майло привлекательным, но что-то в нем успокаивало меня, убаюкивало. Сейчас я почти почувствовала его пальцы на моей коже, и крошечные волоски на ней встали дыбом, а по спине побежали мурашки.

— Открывай, — сказал он.

Я нажала на кнопку, отпирающую дверь, подождала, пока он вскарабкается по четырем лестничным пролетам к нашей квартире. Вот и он. Лицо перекошено. Футболка пропотела насквозь вокруг шеи. Внутри все похолодело, потому что я поняла. Поняла с первого взгляда. Что-то пошло не так.

— Есть от нее новости? — спросил он, широко расставив ноги.

Я оглянулась на красные циферки на микроволновке — 9:55. *Полчаса*, — подумала я. — *У нас еще тридцать пять минут*. Предположительно, по истечении этого времени ты позвонишь мне из полицейского участка, чтобы рассказать о парне с ножом, который затащил тебя на заброшенный склад и отобрал кошелек. Майло все знает. Это он нанял Тайлера и сказал ему, где и когда тебя ждать.

— Еще нет и десяти, — ответила я.

Майло уперся ладонью в дверь, пытаясь войти, но я преградила ему путь. Движение было инстинктивным; что-то глубоко в подсознании предупреждало: он несет с собой опасность, будто неразорвавшуюся гранату.

— Боже, Анна! — Он схватил меня обеими руками за плечи и повел внутрь. Мы словно танцевали, пока моя спина заново не уперлась в дверь. Он опустил руки и шагнул мимо меня.

— Телек включи.

Экран был размером с коробку из-под хлопьев, но я все равно увидела. Всемирный торговый центр горел, в обоих зданиях атели проплешины, вверх поднимался дым. Я выглянула в открытое окно на кухне. Ничего — только голубое безоблачное небо.

Майло сделал звук громче. Дикторы новостей тараторили о Пентагоне, взрыве, возможно, бомбе и другом самолете. Белый дом эвакуировали, Капитолий тоже. Слова в бегущей строке внизу экрана казались нечитаемыми, словно руны.

— Этого не может быть, — сказала я. Я не могла проспать такое. Птицы не пели бы. Небо не сияло бы голубизной.

И тут башня на экране, словно подчиняясь жесту фокусника, обратилась в дым.

Все произошло как в замедленной съемке, но в то же время настолько быстро, что невероятность и чудовищный масштаб происходящего обрушились на меня, заглушив все звуки на свете, кроме одного — биения моего сердца. Обрушение прокручивали снова и снова, все медленнее; башня оседала, складываясь внутрь себя, как карточный дом. А ее место занимало черное облако.

Сколько людей сейчас погибло у меня на глазах?

Это было невозможно. *Невозможно.*

Та башня казалась вечной, как солнце.

Внезапно я поняла, что сижу на голом полу, зажав рот руками. Люди на экране бежали, в крови и пепле. Все они были настоящие, живые, просто шли на работу в обычный будний день, не задаваясь вопросами о том, что ждет их или здание, в которое они направлялись. Однако мои мысли занимал лишь один человек.

Ты.

Линия подземки проходила под тем районом, но стрелки на часах показывали десять. Ты уже должна была проехать Всемирный торговый центр, выйти из метро и торопиться к своему месту за гигантской стойкой на входе в галерею Рош. *К Тайлеру с его ножом.* В моей голове словно прокручивалась пленка: его лицо, прикрытое банданой, рука, зажимающая твой рот, кончик лезвия, упирающийся в твою шею. Сейчас это казалось нелепым и абсурдным. Падающее здание изменило все.

— Майло...

Он повернулся ко мне. Изумленные брови разлетались в стороны, как крылья встревоженной птицы. Миллионы вопросов вертелись в голове, но я не могла выговорить ни одного. Я прижимала к лицу кулаки, собственный голос казался мне чужим. Неузнаваемым.

— Что мы натворили?

Он моргнул. Поднял голову.

— Это террористы. Мы тут ни при чем.

На экране так и висело гигантское дымящееся черно-серое облако. Сохранись у меня способность размышлять логически, я поняла бы, что Майло прав: наш дурацкий маленький розыгрыш никак не мог вызвать подобного хаоса. Это было выше нас. Грандиознее. Но логика в то утро не работала, и катастрофа над мостом не казалась мне совпадением. Это был твой очередной фокус.

Абракадабра, подумала я. Пуф!

Майло схватил с зарядки и сунул мне в руки беспроводной телефон.

— Звони ей.

Я отшатнулась.

— Ты звони.

— Ты знаешь, со мной она не будет говорить. — Он потряс трубкой. — Ну же, Анна! *Пожалуйста.*

Я взяла ее и набрала номер твоего мобильного. Безжизненный голос оператора сообщил, что аппарат находится вне зоны действия сети. Это было неправильно. Так не могло быть. Я позвонила снова. Майло склонился надо мной, нетерпеливо покусывая большой палец. Тот же гулкий носовой голос в трубке. Вне зоны

действия. Я откинулась назад, глядя на телефон так, будто он может ожить в моей руке. Я ничего не понимала. И продолжала звонить, опять и опять.

— Не работает, — сказала я. — Только какая-то дурацкая запись.

Люди в телевизоре говорили о ФАА¹, ПВО, рейсе 111². Столько слов, букв и цифр, что мой мозг не воспринимал их. Сердце проваливалось в желудок, ладони стали скользкими. Я вытерла руки о халат из дешевой синтетики, от которой они вспотели еще сильнее.

Майло выхватил трубку. Набрал, прислушался, нахмурил лоб.

— Какого черта *вообще* происходит?

Казалось, он на грани нервного срыва. Он переминался с ноги на ногу, кусая большой палец и таращась в телефон. Сомневался насчет меня и себя самого. Наш план был пустяком, шуткой, *подставой*. Мы хотели тебя припугнуть, нарушить твои планы, слегка отомстить за то дерьмо, в которое ты нас окунула. Майло думал, что страх сделает тебя более гибкой. Податливой. Ведь ему всегда этого хотелось. Но я-то знала: ты создана не из

¹ Федеральное управление гражданской авиации США, отвечает за гражданскую авиацию в стране, в том числе разработку правил, инспекцию самолетов и управление воздушным движением. — *Здесь и далее прим. ред.*

² Символ трагического события, подчеркивает масштаб трагедии; появился после авиакатастрофы рейса SR111 авиакомпании Swissair в 1998 году, унесшей жизни 229 человек, одного из самых серьезных событий в истории авиации.

глины, а из стекла. Чтобы освободиться, мы должны разбить тебя вдребезги.

Майло швырнул телефон о стену. Я зажала уши: трубка, подпрыгнув на полу, раскололась надвое, батарейка повисла на тонких красных проводках. Майло стиснул голову руками; я почти ощущала, как его ногти впиваются в кожу. Почти чувствовала, как его пальцы тянут меня за волосы.

Опять новости. Пенсильвания. Угнанные самолеты. Дикторы называли имена, которых я никогда раньше не слышала. Все это звучало как сказка. Фантазия. Далекая и чужая... Я подумала о своей семье, дома, в Бексли. Наверняка они смотрят те же новости, собравшись вокруг телевизора в гостиной. Только что показывали «*Доброе утро, Америка*», а потом вдруг *такое*. Я представила маму, нервно складывающую выстиранное белье, и Генри, в слезах сжавшегося в комок на диване.

Я схватила трубку, соединила разбитые части и вернула на место батарейку. Снова выпуск новостей. Все мосты и аэропорты в городе закрыты, метро не работает. Я поморгала, глядя на экран, перевела взгляд на стены вокруг с твоими фотографиями, моими картинами, рамками афиш с наших выставок. Все казалось таким мелким. А комната — тесной.

Мы попали в ловушку.

Ледяным негнувшимся пальцем я ткнула кнопку телефона. Сигнала не было.

— Ты его сломал, — сказала я.

Майло провел пальцами по лицу, оттянув кожу так, что глаза едва не вывернулись наружу.

— Я не могу просто сидеть тут.

Я снова покосилась на телевизор, на дым и сирены. Прошла минута, может, две. И тут у меня внутри будто щелкнуло: *Это чрезвычайная ситуация. Обычные правила не действуют.* Я должна позвонить семье, услышать голос брата — вне зависимости от того, сколько стоит дурацкая минута разговора в дневное время. Я бросилась в спальню, схватила с тумбочки мобильный и набрала номер маленького желтого домика в Огайо. Вместо звонка телефон издал сердитый скрежет и отключился.

Я кинулась сообщить Майло. Поток слов прорвался еще до того, как я вбежала в гостиную:

— Мой мобильный тоже не работает, я не понимаю...

Гостиная ответила пустотой.

Майло в ней больше не было.

Тогда я еще не знала, Уиллоу, но и тебя тоже больше не было.

Четыре года назад

Когда они познакомились, стоял сентябрь — первая среда их первой недели в колледже. Еще тепло, чтобы парни прыгали с тарзанки в озеро Уобаш, а девчонки, одетые в бикини «Джей Крю» и одинаково загорелые, подбадривали их задорными возгласами с каменистого берега. В тот день первокурсница Анна Вон смиренно сидела за обшарпанным чертежным столом в противоположной части кампуса Университета Болвин — здании

факультета искусств Хайсмит. Высокий табурет рядом с ней оставался свободным — вполне ожидаемо, — но это не имело значения. Анна аккуратно разложила на столе свой блокнот и заточенные карандаши, провела пальцем по узору, выцарапанному на столешнице, и выдохнула с облегчением оттого, что находится *здесь*, в этой студии. *Наконец-то.*

Свобода, обретенная с поступлением в колледж, пивные вечеринки и новые знакомства, мягкие зеленые газоны или старинные кирпичные корпуса общежитий казались ей пустяком. Главным был Хайсмит — уродливый обломок брутализма 1970-х на углу Эш и Эзбери, темное пятно на архитектуре кампуса в стиле неоготики. Она приехала сюда ради Хайсмита с его выдающимися профессорами и безжалостными сессиями, о которых она столько читала и думала с тех самых пор, как преподаватель изобразительного искусства в старшей школе рассказал ей об этом месте. Хайсмит — единственная причина, по которой Анна выбрала этот, в остальном консервативный, колледж в глубинке Огайо. Первый шаг в ее плане стать художником — настоящим, выставляющимся в галереях, знаменитым во всем мире *Художником.*

Профессор Энтони Кейп вошел в кабинет, и по рядам студентов пробежал шепоток. Кейп был знаменитостью, слава о нем вышла далеко за пределы кампуса. Со своей галереей в Нью-Йорке, обзорами на «*Артфоруме*»¹ и номинацией на первую премию

¹ Международное издание о современном искусстве.